

Ю.Н. Гаркуша

(Новосибирск, Институт археологии и этнографии СО РАН)

Некоторые проблемы изучения военного дела пазырыкской культуры

Интенсивное накопление источниковой базы в ходе полевых исследований памятников I тыс. до н. э. позволило расширить круг задач, к которым обращаются исследователи, решая проблемы культурогенеза населения Горного Алтая в данную эпоху. Нашли свое отражение и сюжеты, посвященные истории развития вооружения и военного дела. В данной работе мы остановимся лишь на некоторых общих проблемах.

В свое время Ю.С.Худяковым был обобщен и проанализирован накопленный к нач. 80-х гг. предметный комплекс вооружений, сложившийся в I тыс. до н. э. в Южной Сибири. Исследователь пришел к выводу, что на территории Горного Алтая, Тувы и Монголии существовал комплекс вооружений присущий *легковооруженному* (курсив мой – Ю.Г.) конному воину. Обусловлено это было двумя важными, на наш взгляд, причинами: кочевники Южной Сибири не имели контактов с населением, имеющем более развитую военную организацию и, как следствие, развитие вооружения на данной территории происходило замедленными темпами (Худяков, 1980, с. 143 – 144). На относительную изоляцию, обусловленную, правда, географическим положением Горного Алтая, обратил внимание В.А.Кочеев (1998, с. 275).

В настоящее время в развитии военного дела в I тыс. до н. э. исследователи выделяют два периода, совпадающие по времени с существованием двух сменяющих друг друга культур (Кирюшин, Тишкин, 1997, с. 86). Однако сравнение с раннескифским временем позволяет констатировать отсутствие видового отличия в комплексе вооружений в последующее время вплоть до конца тысячелетия, а увеличение количества предметов вооружения вооружений связано с ростом числа исследованных погребений в пазырыкское время (Кочеев, 1998, с. 273).

Между тем, исследователи занимающиеся аналогичными проблемами на материалах западных соседей носителей пазырыкской культуры выделяют определенный рубеж (как правило, IV-III вв. до н. э.), когда можно наблюдать качественные (прежде всего) изменения, как в видовом, так и в количественном составе вооружений. Такие изменения ведут к появлению новых форм военной организации и определенным тактическим новшествам (см., напр.: Васильев, 1983, с. 29; Горелик, 1987, с. 120, 129; Погодин, 1997, с. 119). Материалы же пазырыкской культуры позволяют говорить об определенных «застойных» явлениях в развитии этой сферы жизнедеятельности.

Остаются без внимания вопросы локальных особенностей военного дела пазырыкцев, обусловленных природно-географическими условиями Горного Алтая и могущих отли-

чатся от принципов формирования войска и способов ведения боя, традиционно соотносимых с кочевниками (см., напр.: Худяков, 1985). Такая постановка вопроса правомерна тем, что в историографии присутствуют доводы в пользу сильного воздействия на культуру населения Алтая в скифское время племен, в значительной степени связанных с культурой лесных охотников (Вайнштейн, 1991, с.188, 287). Кроме того, в последнее время среди этнографов появились идеи о формировании на территории Горного Алтая, Хакасии, так называемых южносибирских лесных культурных комплексов, резко отличающихся от скотоводов-кочевников центрально-азиатского типа. Контуры таких комплексов проявились на указанных территориях уже в скифское время (Селезнев, 1998, 1998а).

Особо стоит отметить суждения о высокой степени милитаризации пазырыкского общества. Утверждения о масштабных военных столкновениях на разных этапах развития культуры, выходящих за рамки межродовых и межплеменных, о постоянном росте напряженности (Кочеев, 1994) не подкреплены археологическими свидетельствами. Наоборот, материалы, полученные в ходе полевых исследований, иллюстрируют отсутствие сколько-нибудь широкой военной деятельности на территории Горного Алтая (Елин, 1994; Мамадаков, 1994; Абдулганеев, 1996, с. 27 – 28; Молодин, 2000, с. 133). Опираясь, главным образом, на присутствие импортных предметов в погребениях также нельзя утверждать о приоритете военных походов над другими способами приобретения, что можно увидеть в работах некоторых исследователей¹ (Марсадалов, 1996, с. 60, 69, 70). Привлечение экономических факторов, которые не принимались в расчет исследователями должным образом, способны существенно скорректировать представления о «милитаризме» пазырыкцев. Очень важным является замечание П.И. Шульги о том, что «площади зимних пастбищ, определяющих, в конечном счете, поголовье скота и соответственно, количество населения, явно недостаточны для формирования на этой базе мощного военно-политического образования (каковым нам представляются пазырыкцы), способного выставить крупное войско» (Шульга, 1999, с. 248).

Вопросы, связанные с реконструкцией военной организации взаимосвязаны с социальной структурой традиционного общества вообще. Они также не остались без внимания исследователей. Шагом вперед было предложение А.Д.Грача взять за основу при реконструкции социальной структуры кочевников Саяно-Алтая трехчленную структуру общества. Он выделил, опираясь на археологические материалы, три группы погребений (царские», «родовой аристократии», рядовых кочевников), указав, что средней слой, «родовая аристократия», является далеко не однородным (Грач, 1975, с. 161 – 166). Для середины 70-х гг. такие выводы имели важное методологическое значение, позволяющие отойти от упрощенного представления социальной структуры кочевников. Для среднего слоя исследователь предложил использовать понятие «дружина», акцентируя первоначально внимание на политической составляющей термина (там же, с. 164). Позднее, в русле устоявшихся представлений о том, что каждый мужчина в кочевом обществе – воин, распространил «дружинный» принцип и на военную организацию кочевников Саяно-Алтая (Грач, 1980, с. 59 – 60). О существовании определенной воинской специализации и возникновении дружины у носителей тагарской культуры на поздних этапах ее развития писал и А.М. Кулемзин (1973, с. 24 – 26; 1980, с. 168).

Эти идеи послужили методической базой для исследователей, обращавшихся к проблемам социального структурирования населения Саяно-Алтая (см., напр.: Миронов, 1997).

---

1 К сожалению, отсутствует статистика и структура предметов импорта, обнаруженных в погребениях. Основываясь на собственных наблюдениях, могу судить о небольшой доле импорта в памятниках населения Горного Алтая, но это тема отдельного исследования. Косвенно это также может указывать на слабую внешнюю военную активность горноалтайцев.

Последовательно в своих работах, в той или иной степени, обращался к истории военного дела пазырыкцев Кочеев В.А., в частности и к теме «воины в социальной структуре общества» (1989, 1990, 1997). В русле традиционных представлений, он считает, что все взрослое мужское население пазырыкцев было воинами и в этой среде начинает складываться особая прослойка воинов-профессионалов. Такой подход позволяет исследователю поставить вопрос и о существовании военных дружин (Кочеев, 1990, с. 109). Однако, позднее исследователь говорит уже о форме военной организации, в основе которой лежит родоплеменная структура, присущая пазырыкскому обществу (Кочеев, 1998, с. 272), что противоречит условиям развития института дружины.

Вопрос генезиса дружины у народов Саяно-Алтая, в частности, у населения Горного Алтая весьма непросто и вряд ли может быть разрешен на данном этапе исследований. Как известно, формирование данного института связано с определенными социально-экономическими и социально-политическими условиями развития общества (см., напр.: Горский, 1984). Однако методический уровень постановки этих проблем на материалах Горного Алтая и степень изученности не отвечают современным требованиям, предъявляемым к изучению социальных процессов, и вызывают справедливые нарекания исследователей (Соенов, 1997). К археологическим свидетельствам, позволяющим предполагать существование обособленной группы воинов-профессионалов, относят наличие в погребениях специализированного оружия необходимого для ведения специфических военных действий. Однако комплекс вооружения населения Горного Алтая в рассматриваемую эпоху характеризует только легковооруженного воина. Таким образом, позиция исследователей утверждающих о существовании дружин, представляется достаточно уязвимой, а в некоторых моментах и ошибочной: так, появление профессиональных воинов не устраняет факта вооруженности всего народа (Горский, 1984, с. 18), как утверждают ряд исследователей (Кочеев, 1990, с.110; Миронов, 1997а, с. 108).

Исследования, проведенные на кургане 1 могильника Ак-Алаха-I затронули новый аспект социализации женщины в пазырыкском обществе. Здесь в женском погребении были найдены не только полный набор вооружения, но и детали характерной мужской одежды и головного убора. Автором раскопок, Н.В.Полосьмак, был поставлен вопрос об открытии «до сих пор малоизвестного элитного слоя пазырыкского общества», о функционировании института так называемых «амазонок» (Полосьмак, 1994, с.43). Стоит отметить, что существует уже серия подобных захоронений. В настоящее время мне известно 9 погребений женщин (включая и могильник Ак-Алаха-I) с оружием и элементами специфического мужского костюма: мог. Узунтал II, к. 2 (Савинов, 1993, с.7); мог. Бураты IV, к. 12 (Кубарев, Кочеев, 1983, с. 93); мог. Юстыд XII, к. 3 и к. 26 (Кубарев, 1991, с. 41, табл. LVI); мог. Джолин I, к. 8¹ (там же, табл. LXX); мог. Барбургазы I, к. 10 (Кубарев, 1992, с. 126); мог. Ак-Алаха 5, к. 1 и к. 4 (Полосьмак, Молодин, 2000, с. 79). К сожалению, пока эти факты не привлекли к себе внимания исследователей и не получили должного определения.

Стоит отметить, что при изучении развития военного дела остается, не задействован важный корпус источников – антропологический. Между тем, использование такого рода источника, позволяющего учитывать динамику палеодемографических процессов, факты военного травматизма и т.д., позволит делать обоснованные и корректные предположения при реконструкции данной сферы жизнедеятельности населения Горного Алтая.

---

1 Половозрастное определение выполнено к.б.н. Чикишевой Т.А., в остальных случаях информация получена из публикаций